

Профессия —
режиссер

Перо мужества Шекхара Капура

Сьюзен ХОУАРД

Индусский режиссер Шекхар Капур впервые стал известен мировой аудитории в 1994 году после фильма "Королева банкетов". В 1998 году он снял в Великобритании историческую драму "Елизавета" (представление на "Оскар" в семи номинациях, включая лучший фильм). И наконец, в 2002 году Капур выпускает на экраны фильм "Четыре пера" по одноименному роману Ф. Э. В. Мэйсона.

Действие романа и фильма разворачивается в 1898 году, во время колонизации Судана Британской империей. Герой фильма Гарри Фавершэм (Хит Леджер) отказывается воевать; друзья обливают его презрением, а невеста Этна (Кейт Хадсон) разрывает помолвку. После этого Гарри решает отправиться в Судан на собственную войну — войну во имя людей, а не британской короны.

— Роман "Четыре пера" до вас экранизировали шесть раз. Зачем вы захотели снимать седьмую версию?

— Во-первых, эта история универсальна. В качестве доказательства приведу вам забавный пример: еще в те годы, когда я работал в Индии, ко мне дважды приходили актеры с предложениями снять "Четыре пера" на индийской почве, используя в качестве фона различные внутренние конфликты в стране. Во-вторых, мне хотелось снять не просто римейк, а переосмысление романа. Когда я начал читать сценарий, то обнаружил, к своему ужасу, что в новой версии сценария по-прежнему воспеваются колониализм. Я подумал: "Неужели сегодня кто-то хочет запустить в производство фильм, в котором суданцев называют "грязными волосатиками"? По крайней мере, в версии 60-х годов их называли именно так. Неужели до сих пор никто не хочет осмыслить уроки истории? Я лично глубоко уверен в том, что сегодняшняя напряженность в мире — результат колониальной политики прежних эпох. Поэтому я решил, что должен снять антиколониальный фильм на материале колониального романа.

В-третьих, меня потрясла масштабность ситуации. Во всех предыдущих экранизациях поведение Гарри истолковывалось очень просто — он испугался и не пошел воевать, потом одумался и стал героем. Интересно, задумывался ли кто-нибудь, каким мужеством нужно было обладать в те годы, чтобы отказаться от военной карьеры? Английское общество было настолько военизировано, что человек, отказавшийся воевать, автоматически становился изгоем. В романе мотивации Гарри

описаны просто: он боится бросить одинокую мать, боится погибнуть и причинить ей горе. Но в дальнейшем он проявляет в Судане такое мужество, что невольно задаешь себе вопрос: чего он больше боялся — умереть или стать убийцей? Далее: даже сегодня мало кто из нас осмелится сказать: "Я боюсь", — потому что в этом случае он выявит свою слабость. С этого момента ему придется заново самоутверждаться, искать себя. Я увидел в этом фильме возможность показать внутреннее путешествие от наивности к мудрости, от юности к зрелости.

— Вы всегда снимаете фильмы с современной точки зрения. Но сегодняшний молодой человек не просто отказался бы воевать, он пошел бы на антивоенную демонстрацию. Что для вас важнее — мужество сказать "я боюсь" или неприятие войны?

— Я считаю каждого своего героя неисчерпаемым. Каждый из них переживает все те моральные дилеммы, которые может представить себе каждый зритель. Если вы считаете, что Гарри имел в виду: "Я не пойду воевать, потому что не верю в войну", — значит, это тоже присутствовало в его мыслях. Потому что наша история — о самораскрытии, самореализации. Сегодня люди исследуют свои страхи на кушетке психоаналитика, но в те годы это можно сделать только в одиночку.

— В прессе время от времени мелькали сообщения о невероятных трудностях во время съемок в Марокко — мол, на вас обрушились и смерчи, и наводнения, и прочие беды.

— Да, и в результате получилось кино о хаосе. О хаосе войны. Мы снимали фильм в состоянии постоянной паники, но именно это состояние подталкивало нас к интересным творческим решениям, подпитывало дополнительную нервную энергию. Оно заставляло постоянно быть наготове. Актеру важна атмосфера, а атмосфера была самая что ни на есть подходящая. Постоянное ощущение адреналина в крови, чувство, что нужно что-то сделать сейчас или никогда, — это читается в

глазах исполнителей. Потому что в большинстве случаев нужно было действовать, не рассуждая. И они действовали.

— Вы предчувствовали, что съемки будут тяжелыми?

— Когда наш проект запускали, все говорили: "Вы поедете в пустыню и снимете нового "Лоуренса Аравийского". А когда я посмотрел график съемок, мне стало плохо: "Лоуренса Аравийского" снимали два года, а у нас на все сцены в пустыне отводилось три месяца. Далее — начал работать над проектом, я с удивлением осознал, что все масштабные сцены нынче снимаются на компьютере. Люди разучились снимать батальные сцены по-настоящему. Я с самого начала намеревался все снимать по-настоящему, потому что в кино, снятом на компьютере, остается элемент искусственности. Но я понимал, что традиционными методами мы ничего не добьемся, потому что у нас слишком мало времени. Я пригласил моего оператора Боба Ричардсона и сказал ему: "Ты понимаешь, что выстраивать сложные мизансцены мы не сможем?" Потому что, если мы хотим для каждой сцены ставить кран и снимать наплывами идущих солдат или бегущих верблюдов, нам нужно не три месяца, а минимум год. И я спросил Боба: "Сможешь снимать ручную камерой?" Он ответил: "Я начинал карьеру в качестве военного корреспондента. А ты-то сможешь ориентироваться без раскладовок?" Я ответил: "О, я начинал карьеру в Индии! Ты знаешь, в каком бардаке снимаются индийские фильмы?" (Смех).

— Вы начинали карьеру в кино в качестве актера. Почему вы решили перейти в режиссуру?

— Наверное, я недостаточно сильно любил себя. В индийском кино царствует система звезд, а быть звездой можно только в том случае, если очень сильно себя любишь. Это режиссеру позволительно роскошь влюбляться в какие-то философские концепции, в актеров и актрис, в визуальные идеи, наконец. А актер должен любить себя, и только себя.

— В результате роли ан-

гличан в вашем фильме играют австралиец Хит Леджер и американка Кейт Хадсон.

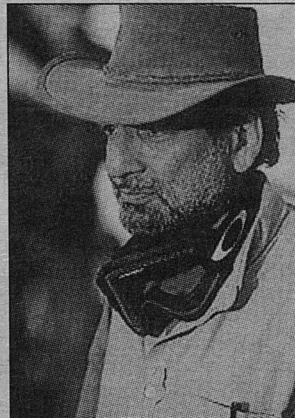
— Я искал 20-летнего парня, в чьих глазах можно было бы увидеть мудрость. Хит был единственным, кому я поверил. Я увидел его во время пробы — он играл 10-страничную любовную сцену с девушкой, оба они играли хорошо. Я дослушал до конца, а потом сказал: "Сыграй ту же сцену, но с точки зрения мудрого человека". Он спросил: "Что вы имеете в виду?" Я ответил: "В сцене, которую вы только что играли, твой герой все время брал любовь. Он ее просил и получал. А мудрость — это умение давать. Попробуй сыграть эту сцену, давая любовь". Я искал молодого актера, который мог бы сыграть в ряде сцен очень зрелого человека. Хит подумал и сказал: "Давайте попробуем". И когда он начал играть во второй раз, в нем что-то изменилось. Его партнерша к концу сцены по-настоящему расплакалась. А я сказал: "Хит, в твоё тело наверняка переселилась душа какого-то древнего мудреца".

— Почему вы взяли на роль Этны — англичанки до мозга костей — американскую актрису Кейт Хадсон?

— Именно потому, что она американка. Я не хотел видеть на экране еще одну типичную благовоспитанную викторианскую барышню. Если бы я взял англичанку, ее поведение во всех сценах было бы предсказуемым до зевоты. Причем — поверьте мне! — эти экранные барышни не имеют ничего общего с реальными английскими девушками. Когда я увидел Кейт в фильме "Почти знамениты", я сказал себе: "Это та самая актриса, которая мне нужна. Даже в корсете она останется самой собой". И я не ошибся.

— Когда Этна отворачивается от Гарри, в это трудно поверить. Девушка с такими современными манерами должна обладать более современным образом мыслей.

— Вы должны понять, каким было общество в то время. Британская империя существовала в постоянной войне. Какими бы продвинутыми ни были тогдашние молодые люди во всем остальном, патриоти-

ческий образ мыслей вбивался им в голову с рождения. Это была настоящая промывка мозгов. Когда я начал изучать материалы той эпохи, меня поразила одна вещь. В британской культуре не было принято горевать по погибшим. Это была культура, нацеленная на триумф. Мне кажется, англичане впервые позволили себе по-настоящему горевать только по принцессе Диане. Мы в то время снимали "Елизавету", находились в Лондоне, и я был потрясен, сколько же слез я увидел. Слово прорвало гигантскую дамбу и люди получили возможность выплакать все горести, накопившиеся за прошедшие века.

— В отличие от предыдущих экранизаций, в вашей версии появился "герой с другой стороны" — суданец в исполнении Джимона Хунсу.

— Когда я впервые встретился с Джимоном, он спросил меня: "кого я буду играть?" Я ответил: "Ангела". Он довольно скептически посмотрел на меня и сказал: "Знаете, я всего лишь человек". Я ответил: "Нет-нет, ты меня не понял. Ты будешь играть ангела-хранителя". Герой, управляющийся в такое путешествие, не может жить без ангела-хранителя. Джимон отлично подошел на эту роль.

— Как вы думаете, сегодняшние зрители будут смотреть "Четыре пера" как фильм о событиях столетней давности или как метафорическое отражение современного состояния общества?

— На премьере "Четырех перьев" в Нью-Йорке многие говорили мне: "Вы сделали фильм об 11 сентября, об Афганистане, но ввиду деликатности ситуации закамуфлировали их под события 100-летней давности". Я отвечал: "Нет, я снимал этот фильм еще до 11 сентября". И это чистая правда. Мы закончили съемки весной 2001 года. Но, конечно, снимая фильм, я думал о сегодняшнем обществе. Я не буду говорить здесь о трагедии 11 сентября, потому что у нас не политическая дискуссия, но мне хотелось бы напомнить: учиться можно только на событиях прошлого. События, происходящие в настоящем, можно только пожинать. Чтобы оценить их, нужно время. Но я еще раз повторю: уверен, что корни терроризма — в колониализме.

Экран и сцена